

№3. 2018

СОЦИОЛОГИЯ ПОТУСТОРОННЕГО

Восточная Европа накануне железного века
«Владыка коней» в искусстве евразийских степей
Социальная иерархия скифов Северного Причерноморья
Жертвенники Западной Сибири
Воинственность женщин в среде ранних кочевников
Социальная организация населения Предкавказья
Биоархеология Зауралья и Западной Сибири

Редколлегия номера:

Игорь В. Бруяко (ответственный редактор),
Денис А. Топал, Виталий С. Синика (зам. отв. редактора)

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. Nr. 3.
Archaeology and Cultural Anthropology

Sociology of the Beyond

Eastern Europe before the Iron Age
'Horse Holder' in the art of Eurasian steppes
Social hierarchy of the Scythians in the Northern Black Sea Region
Altars in Western Siberia
Women-warriors among the early nomads
Social organization of the Cis-Caucasian population
Trans-Ural and Western Siberian Bioarchaeology

Volume Editorial Board: Igor V. Bruyako (Editor-in-Charge),
Denis A. Topal, Vitalij S. Sinika (Associate Editors)

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2018

Stratum plus. Nr. 3.
Arheologie și antropologie culturală

Sociologia din cealaltă

Europa de Răsărit în ajunul epocii fierului
„Stăpânitorul cailor” în arta stepelor eurasiatice
Ierarhia socială a sciților din nordul Mării Negre
Altarele pentru jertfe din Siberia de Vest
Spiritul războinic al femeilor în mediul nomazilor timpurii
Organizarea socială a populației din regiunea pre-Caucaz
Bioarheologia Transuralului și a Siberiei de Vest

Colegiul de redacție a volumului: Igor V. Bruyako (redactor responsabil),
Denis A. Topal, Vitalij S. Sinika (redactori adjuncți)

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2018

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ПОТУСТОРОННЕГО

- Т. М. Кузнецова (Москва, Россия). Скифские цари и номархи — «держатели котлов». 17
- М. А. Очир-Горяева (Казань, Россия). Планиграфия курганов как источник по семейно-родовой и социальной иерархии скифов Северного Причерноморья 57
- М. М. Фокеев (Одесса, Украина), В. С. Синика (Тирасполь, Молдова), Н. Д. Руссев (Кишинёв, Молдова). Скифские курганы-кенотафы группы Воловарската Могила на левобережье Нижнего Дуная 87
- С. В. Богданов (Оренбург, Россия). Культурно-хронологические комплексы скифо-сарматской эпохи I Нижнепавловского курганного могильника в степном Приуралье 103
- Ю. А. Прокопенко (Ставрополь, Россия). Особенности социальной организации носителей культуры склеповых захоронений III—I вв. до н. э. (по материалам могильников Ставропольской возвышенности и района Кавминвод) 135

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

- С. А. Зинченко (Москва, Россия). Роль образа Πότνιος Ἰππιος («Владыка коней») в искусстве евразийских степей и античного мира в первой половине I тыс. до н. э. как этнокультурного и социального маркера. 149
- Е. Б. Шевченко (Одесса, Украина). Воинственность женщин в среде ранних кочевников (по данным письменных свидетельств) 165
- Д. О. Плахута, А. Л. Автушкова (Новосибирск, Россия). О семантике некоторых жертвенников раннего железного века Западной Сибири: вариант интерпретации. 181
- Л. И. Бабенко (Харьков, Украина). Пектораль или гривна? (о соответствии термина и морфологии украшения) 187

МИРЫ. КУЛЬТУРЫ. ХРОНОЛОГИЯ

- В. С. Бочкарёв, М. Т. Кашуба (Санкт-Петербург, Россия). Культурно-историческая ситуация на юге Восточной Европы накануне века железа. 207
- С. С. Бессонова (Киев, Украина), И. В. Бруйко (Одесса, Украина), Н. Алп (Карс, Турция). Пара бронзовых ножей из музея г. Карс 221

МАРШРУТЫ ДРЕВНОСТИ

- Е. М. Черных** (*Ижевск, Россия*). На перекрестке речных путей:
об особенностях функционирования ананьинского городища
у д. Зуевы Ключи в Нижнем Прикамье 267
- В. Н. Мышкин** (*Самара, Россия*). В поисках торгового «пути Геродота»:
северопричерноморский импорт из кочевнических погребений
скифского времени в Заволжье и на Южном Урале, переправы
через Волгу и «Московская дорога» 291

ЭКО-СОЦИАЛЬНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

- Е. П. Секерская** (*Одесса, Украина*). Лев в тени Человека — повседневная
реальность Юго-Восточной Европы в голоцене 313
- С. В. Шарапова** (*Екатеринбург, Россия*). Биоархеология населения
лесостепного Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура) . . 323

«ПИСЬМА С ПОНТА»

- Т. Н. Смекалова** (*Санкт-Петербург, Россия*), **В. А. Кутайсов** (*Симферополь,
Крым*). Роль Херсонесского полиса в освоении Северо-Западной
Таврики в эллинистическое время. 353
- Т. В. Егорова** (*Москва, Россия*). Штампованные пальметты в орнаментации
чернолаковой керамики V—II вв. до н. э. из Пантикапея. 371
- М. М. Чореф** (*Нижневартовск, Россия*). Первые серии бронз Спартокидов
как источник исторической информации 387

РЕЦЕНЗИЯ

- В. И. Мордвинцева** (*Киев, Украина*). Рец.: Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков,
В. С. Синика. Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное.
Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1096 с. 407

AD GLORIAM

- Р. М. Мунчаев** (*Москва, Россия*). Валерию Ивановичу Гуляеву 80 лет! . . . 417
- В. Ю. Мурзин** (*Запорожье, Украина*). Я ловлю как пух с деревьев
наши даты, наши даты... (к юбилею
Светланы Ивановны Андрух). 421
- Список сокращений. 423
- Авторам *Stratum plus* 427

C O N T E N T S

SOCIOLOGY OF THE BEYOND

- T.M. Kuznetsova** (*Moscow, Russian Federation*). **Scythian Kings and Nomarchs — “Cauldron Holders”** 17
- M.A. Ochir-Goryaeva** (*Kazan, Russian Federation*). **The Social and Clan Relations within the Scythian Society, by Planigraphic Analysis of the Kurgans** 57
- M.M. Fokeev** (*Odessa, Ukraine*), **V.S. Sinika** (*Tiraspol, Moldova*), **N.D. Russev** (*Kishinev, Moldova*). **Scythian Barrows-Cenotaphs of the Volovarskata Mogila Group on the Left Bank of the Lower Danube** 87
- S.V. Bogdanov** (*Orenburg, Russian Federation*). **Cultural-Chronological Complexes of the Scythian-Sarmatian Time from Nizhnepavlovka I Burial Ground in the Steppe Cis-Ural Region** 103
- Yu.A. Prokopenko** (*Stavropol, Russian Federation*). **Features of Social Organization among the Bearers of Tomb Culture in 3rd—1st centuries BC (based on materials from burial sites in the Stavropol height and Caucasian Mineral Waters regions)** 135

ARCHAEOLOGY OF REPRESENTATIONS

- S.A. Zintchenko** (*Moscow, Russian Federation*). **The Role of the Image Πότνιος “ἵππιος (“Horse-Leader”) as Ethnocultural and Social Marker in the Art of the Eurasian Steppes and Classical Antiquity in the First Half of the I Millennium BC** 149
- E.B. Shevchenko** (*Odessa, Ukraine*). **The Militancy of Women among the Early Nomads (narrative sources’ testimony)** 165
- D.O. Plachuta, A.L. Avtushkova** (*Novosibirsk, Russian Federation*). **On Semantics of Some Early Iron Age Altars of Western Siberia: interpretation option** 181
- L.I. Babenko** (*Kharkiv, Ukraine*). **Pectoral or Torque? (matching the terminology and the morphology of this adornment)** 187

WORLDS. CULTURES. CHRONOLOGY

- V.S. Bochkarev, M.T. Kashuba** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Cultural and Historical Situation in the South of Eastern Europe on the Eve of the Iron Age** 207
- S.S. Bessonova** (*Kiev, Ukraine*), **I.V. Bruyako** (*Odessa, Ukraine*), **N. Alp** (*Kars, Turkey*). **A Pair of Bronze Knives from the Museum of Kars** 221

ANCIENT ITINERARIES

- E.M. Chernykh** (*Izhevsk, Russian Federation*). **At the Crossroads of River Routes: functional features of the Ananyino settlement near Zuevy Klyuchi Village in the Lower Kama Region** 267
- V.N. Myshkin** (*Samara, Russian Federation*). **In Search of the Trade Route of Herodotus: the Northern Black Sea import from the nomadic burials of Scythian time in the Trans-Volga and the Southern Ural, Volga river crossings and the “Moscow road”**. 291

ECO-SOCIAL RECONSTRUCTIONS

- E.P. Sekerskaya** (*Odessa, Ukraine*). **Lion in the Shadow of Man — the Everyday Reality of South-Eastern Europe in the Holocene** 313
- S.V. Sharapova** (*Yekaterinburg, Russian Federation*). **Bioarchaeology of the Trans-Uralian and West Siberia Forest-Steppe Population (Sargat Culture)** . . . 323

“EPISTULAE EX PONTO”

- T.N. Smekalova** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **V.A. Kutaisov** (*Simferopol, Crimea*). **Role of Chersonessian Polis in the Development of North-West Tauris in Hellenistic Time**. 353
- T.V. Egorova** (*Moscow, Russian Federation*). **Palmette stamps in Decoration of the 5th—2nd centuries BC Black-Glazed Pottery from Panticapaeum** . . . 371
- M.M. Choref** (*Nizhnevartovsk, Russian Federation*). **The First Series of Spartocid Bronzes as a Source of Historical Information** 387

REVIEW

- V.I. Mordvintseva** (*Kiev, Ukraine*). **Review: Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков, В. С. Синика. Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное. Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1096 с.** 407

AD GLORIAM

- R.M. Munchaev** (*Moscow, Russian Federation*). **Valery Gulyaev is 80!** 417
- V.Yu. Murzin** (*Zaporizhzhia, Ukraine*). **I am Catching Our Anniversaries, Like Fluff They Fly off Trees... (birthday anniversary of Svetlana I. Andrukh)**. 421
- List of Abbreviations** 423
- Submissions** 427

В. И. Мордвинцева

**Рец.: Н. П. Тельнов, И. А. Четвериков, В. С. Синика.
Скифский могильник III—II вв. до н. э. у с. Глиное.
Тирасполь: Stratum plus, 2016. 1096 с.**

Издание материалов могильника, исследованного Днестровской археологической экспедицией ПГУ им. Т. Г. Шевченко с 1995 по 2012 г. у с. Глиное можно назвать долгожданным событием. И не только потому, что полное издание археологического памятника намного повышает его информативную ценность как источника и даёт старт новым, сделанным на его основе исследованиям. Материалы могильника Глиное относятся в большинстве своём к III и III—II вв. до н. э., т. е. к периоду, который многие исследователи рассценивают как «лакуну» в историческом развитии Северного Причерноморья (Тельнов и др. 2016: 5). Это обстоятельство обуславливает первостепенную важность публикуемых данных для уточнения содержания происшедших здесь культурно-исторических процессов.

Монография состоит из введения, пяти глав, заключения и приложения. Во введении кратко охарактеризовано содержание работы. Глава 1 посвящена истории изучения скифской культуры в Нижнем Поднестровье, в том числе истории полевых исследований скифских памятников и проблемам этнокультурной атрибуции и хронологии скифских древностей III—II вв. до н. э. В Главе 2 описаны географические условия расположения могильника у с. Глиное и особенности его топографии (§ 1), подробно изложена история его раскопок (§ 2), дан иллюстрированный полный каталог погребальных комплексов и инвентаря погребений (§ 3). В Главе 3 охарактеризованы погребальные сооружения (§ 1); останки погребённых (§ 2); погребальный инвентарь и жертвенная пища (§ 3); надмогильные, подкурганые и внекурганые сооружения, следы ритуальных действий

(§ 4). В Главе 4 авторы концентрируются на вопросах хронологии и разбирают «характер хроноиндикаторов», обнаруженных в погребениях могильника, и методику датирования комплексов (§ 1); рассматривают различные подходы к датированию (§ 2); проводят исследование относительной и абсолютной датировки комплексов и выстраивают общую хронологию некрополя (§ 3). В Главе 5 могильник у с. Глиное рассматривается в системе скифских древностей Северного Причерноморья, при этом изучаются инокультурные влияния на погребальный обряд и материальную культуру скифов Нижнего Днестра в III—II вв. до н. э. (§ 1); даётся общий очерк исторического развития населения степей Северо-Западного Причерноморья в III—II вв. до н. э. (§ 2). В заключении подведены основные итоги исследования. К монографии прилагается статья В. Б. Панковского, в которой даны результаты структурно-сырьевого, технологического и функционального анализа артефактов из кости и рога, обнаруженных в захоронениях могильника у с. Глиное.

Появление полных публикаций археологических памятников, в первую очередь некрополей, с подробными описаниями и иллюстрациями погребальных комплексов — тенденция, особенно ярко проявившаяся в археологии Северного Причерноморья в последнее десятилетие. Это привело к качественному и количественному изменению источниковой базы, а также к необходимости её осмысления на новом методическом уровне, вызванной накоплением противоречий при сопоставлении данных письменных и археологических источников и поисками путей их преодоления.

Чтобы стать полноценным источником для реконструкции культурно-исторических процессов в древности, археологический материал должен пройти несколько этапов изучения и осмысления. Первым этапом является сам процесс раскопок, когда от тщательности полевых исследований, в ходе которых контекст памятника фактически уничтожается, и камеральной обработки зависит полнота добываемых сведений. На втором этапе эти материалы подвергаются сравнительному анализу с целью хронологической и культурной атрибуции, и уже затем, на третьем этапе, используются для построения моделей развития отдельных историко-культурных областей и конкретной мир-системы в целом. Объективность и непротиворечивость вырабатываемой культурно-исторической модели во многом зависит от выбранных методических принципов изучения материала и строгого следования им на всех этапах.

Насколько позволяют судить материалы публикации, могильник исследован, в целом, достаточно скрупулёзно. В книге содержится необходимая информация о пространственном соотношении предметов в могиле, погребений в курганах, курганов на плане некрополя; качественном и количественном составе погребальных комплексов. Для более детального знакомства с предметами погребального инвентаря, особенно керамикой, не хватает, пожалуй, цветных фотографий, но, учитывая большой объем монографии, это, видимо, было сложно сделать технически. Хорошее впечатление от работы немного нарушается тем, что в интерпретационной части книги авторы приводят как факты отдельные детали погребального обряда, которые на самом деле являются их реконструкциями. Так, погребение 14/1 называется «единственным скифским погребальным комплексом могильника у с. Глиное, где находился бронзовый котёл» (Тельнов и др. 2016: 847), в то время как в описании погребения сказано о «покрытом окислами бронзы кольцевидном отпечатке предмета, около 15 см, по всей видимости, оставленного ножкой бронзового котла» (Тельнов и др. 2016: 134—135), который, судя по описанию, мог являться следом какого-то иного бронзового сосуда. Представляется, что в данном случае вряд ли стоило включать эту категорию материала, имеющую вполне определённый культурный подтекст, в итоговую характеристику состава погребального инвентаря могильника, особенно принимая во внимание единичность находки.

В интерпретационной части монографии отсутствует последовательное форму-

лирование и обоснование целей, принципов и методики исследования второго и третьего уровней, за исключением эссе о различных подходах к датированию (Тельнов и др. 2016: 937—945), что затрудняет формирование у читателя объективного представления о соответствии полученных результатов поставленным задачам и сделанным выводам. В то же время, в тексте работы эта информация выражена имплицитно. В частности, в главе об истории исследования скифских древностей Нижнего Поднестровья актуальность публикации и интерпретации погребальных комплексов могильника у с. Глиное связывается с необходимостью разрешения т.н. «проблемы III в. до н.э.» (Тельнов и др. 2016: 14). Суть этого явления состоит в резком изменении археологической ситуации в степи Северного Причерноморья III в. до н.э. (Mordvintseva 2013; Мордвинцева 2015a), когда вместо характерного для IV в. до н.э. большого числа основных погребений в курганных некрополях и редких поселений археологические памятники Нижнего Поднепровья и Крыма представлены немногочисленными впускными погребениями в насыпях курганов и кластерами поселений с грунтовыми некролями, а в Поднепровье и Подонье также серией ритуальных кладов. При этом закрытые комплексы III в. до н.э. долгое время не поддавались выявлению, в результате чего сложился концепт «лакуны III в. до н.э.» (Зуев 1999), с преодолением которого связано появление работ, специально направленных на выделение комплексов III в. до н.э. и обоснование их хронологических позиций (Клепиков 2002). Публикация материалов могильника Глиное относится к их числу.

По мнению авторов, с решением «проблемы III в. до н.э.» связаны такие задачи как: «1) поиск причин, обусловивших гибель “Великой Скифии” в конце IV — первой трети III в. до н.э.; 2) поиск памятников, надёжно датированных в пределах III—II вв. до н.э., в степной зоне Северного Причерноморья к западу от р. Дон; 3) этнокультурная атрибуция этих памятников; 4) реконструкция исторических событий в указанное время» (Тельнов и др. 2016: 14).

В соответствии с этими задачами, основными целями своего исследования авторы видят обоснование скифской «этнокультурной принадлежности» публикуемого материала и его датировки временем, когда в Северном Причерноморье археологические памятники не фиксируются, либо в них отсутствуют надёжные хроноиндикаторы.

Авторами публикации материалов могильника у с. Глиное проделана большая работа по достижению одной из целей — построению относительной и абсолютной хронологии могильника. Выделены хроноиндикаторы, проведён скрупулёзный анализ хронологических позиций погребений публикуемого некрополя в контексте всех известных погребальных и поселенческих комплексов Нижнего Приднестровья соответствующего времени, и в этом смысле монография является своеобразной энциклопедией этих древностей. Таким образом, по крайней мере, в этом регионе, проблема III в. до н.э. как «белого пятна» во временной шкале истории Северного Причерноморья оказывается закрытой.

Сложнее обстоит дело с другой целью — обоснованием скифской «этнокультурной атрибуции» публикуемого памятника, что отмечают и сами авторы работы (Тельнов и др. 2016: 23). Идея соотнесения археологических памятников Нижнего Поднестровья со скифской культурой непосредственно связана с концепцией о формировании в III в. до н.э. Нижнеднестровской Малой Скифии (Тельнов и др. 2016: 982), которую высказал И. В. Брумяко (Брумяко 1991: 200; 2009: 362). Надо отметить, что авторы пришли к такому выводу сравнительно недавно, ранее они склонялись к версии «об ином, нежели скифское», «савромато-сарматском» или северокавказском (асиаки) происхождении погребенных в некрополе у с. Глиное (Яровой, Четвериков 2000: 10—20; Четвериков 2002: 235—236, 239; Синика 2004: 238). На протяжении всей работы «скифская» принадлежность древностей Глиного, скорее, постоянно декларируется, чем доказывается. Непонятно также, как авторы вообще представляют себе систему доказательств этнической принадлежности по материалам археологии.

Можно было бы ожидать развёртывания этой системы доказательств в главе о погребальном обряде. Однако этот раздел по своей структуре следует работам 1960—1980-х годов, когда погребальный обряд расчленялся на отдельные элементы, и представлялся в виде «конструктора» из набора признаков, для каждого из которых подсчитано их процентное содержание и проведены аналогии в близких и отдаленных по территории, времени и типу археологических памятниках.

Как известно, погребальный обряд представляет собой жёстко детерминированную систему, имеющую крайне ограниченное вариационное поле конечных результатов. Вне археологического контекста морфология отдельного погребения или элемента обряда

не может быть использована в качестве культуроразличительного признака. Одни и те же формы погребений встречаются в разные исторические периоды или в пределах одной эпохи, но у разноэтничного и/или разнокультурного населения; сходные формы общественных отношений порождают различные формы погребений, и, наоборот, за одними и теми же формами погребений скрываются разные формы общественных отношений (Смирнов 1997: 12). Погребальный комплекс представляет собой систему из четырёх (как максимум) взаимосвязанных и взаимозависимых составляющих: двух постоянных (погребальное сооружение и останки погребённого) и двух переменных (погребальный инвентарь и дополнительная структура) (Смирнов 1997: 31). Любые погребальные сооружения представляют собой модификацию или сочетание трёх изначально существующих архетипов: «ямы», «насыпи» и «ниши»; останки погребённого подвергаются либо уничтожению, либо сохранению (в различных вариациях); погребальный инвентарь избирается из трёх сфер: производственной, бытовой и идеологической, а дополняющие погребение структуры представлены меморативными сооружениями, остатками поминальных действий, жертвенниками, кострищами, ограждениями и т.п.

Признаки погребального обряда в их совокупности характеризуют ритуальную культуру общества в целом. Общие признаки для всех или большинства погребений одного некрополя отражают принятый в обществе погребальный стандарт (норму), и принадлежность индивидуума к данному социуму. Особенности и индивидуальные признаки погребального обряда дополняют этот стандарт или же исключают его или некоторые его элементы. При этом особенности признаки характеризуют принадлежность индивидуума к одной или нескольким группам внутри социума: политической, правовой, экономической, профессиональной, этнической, религиозной, половозрастной. Индивидуальные же признаки погребального обряда отражают специфические особенности личности, а также обстоятельства жизни и смерти индивидуума, осознаваемые обществом и имеющие для него значение. Любые из перечисленных признаков и их сочетания могут указывать на осознаваемую или неосознаваемую принадлежность рассматриваемого социума к общественным структурам более крупного масштаба: политическим объединениям, мировоззренческим общностям, экономическим сетям и пр. (Мордвинцева 2015 б). Признаками по-

гребального обряда в случае работы с археологическими источниками являются материальные остатки ритуальных действий, сохранившиеся к моменту полевых исследований и зафиксированные наблюдателем. Как любые предметы и явления материального мира, эти остатки обладают такими его системными свойствами, как качество, количество, позиция в пространстве и времени. Благодаря этим свойствам существует возможность систематизации и сопоставления признаков, выявления на этой основе общих, особенных и индивидуальных признаков, и выделения групп погребений со сходными признаками.

Следует признать, что общая характеристика погребального обряда с выделением обрядовых групп на основе корреляции признаков, их пространственным распределением на плане могильника, анализом их хронологического развития в книге отсутствует, несмотря на внушительную по объёму работу по характеристике отдельных элементов погребальных сооружений и инвентаря. На этом фоне совершенно бездоказательным выглядит утверждение о существовании в социальной структуре оставившего могильник общества «как минимум двух родов», основанное на «анализе ориентировок погребённых в совокупности с основными типами катакомб» (Тельнов и др. 2016: 762). Оно не имеет смысла без выделения обрядовых групп и их пространственно-хронологического анализа. То же самое относится к разделению погребённых на принадлежавших к «аристократическим», «рядовым общинникам» и «беднейшему слою» (Тельнов и др. 2016: 694). Основным признаком, по которому осуществлялось такое разделение, является «количество трудозатрат», без корреляции со всеми остальными признаками, в том числе половозрастными определениями. При этом в категорию «зависимого населения» попало, например, погребение женщины с золотыми бусами (могила 47/1) — редчайшей находкой в могильнике, по причине его расположения в «дополнительной» камере могилы. Возможно, авторы и правы, атрибутируя этот и другие погребальные комплексы, но без полного анализа социальной структуры все эти выводы оказываются умозрительными.

В итоге, погребальный обряд могильника Глиное не реконструирован как единое целое, и, как следствие, не может быть сопоставлен с погребальными обрядами других памятников, следствием чего является и дальнейшее расчленение его по «признакам инокультурного влияния» — греческого, фракийского,

кельтского, за которыми теряется собственное лицо памятника.

С вопросом «этнокультурной атрибуции» археологических памятников связан и поиск решения «проблемы III в. до н.э.». В книге приводятся «четыре основные точки зрения на причины масштабных событий, приведших к падению или уничтожению Великой Скифии»: 1) продвижение из восточных регионов на запад (из-за Дона в Причерноморье) новой волны кочевников — сарматов; 2) опустошительные рейды из Карпато-Дунайского бассейна военных отрядов кельтов или германцев-галатов, упоминаемых в декрете в честь Протогена; 3) аридизация степной зоны и, как следствие, принципиальные изменения в хозяйственной деятельности скифов, а также в географии их расселения; 4) экономическая обусловленность, а именно, связь ситуации на хлебных рынках Средиземноморья с негативными явлениями в экономике северопонтийских полисов (Тельнов и др. 2016: 14—16). После описания позитивных и негативных сторон каждой концепции авторы присоединились к мнению И. В. Бруяко о том, что все варианты решения кризиса уже определены и вряд ли в обозримом будущем появится принципиально новая точка зрения (Бруяко 1999: 331).

Перечисленные «варианты решения кризиса» выводятся из умозрительных представлений о возможном развитии «исторической ситуации». И хотя все причины — и в комплексе, и каждая по отдельности — весьма вероятны, но ни одна из них не объясняет ни появление своеобразных культур на обширном пространстве, которое в IV в. до н.э. занимала скифская археологическая культура, ни причин их своеобразия. Сторонники военного вторжения ищут среди элементов новых культур признаки культуры «оккупантов», сторонники «сохранения скифского этноса» стараются обнаружить в новообразованных культурах признаки сходства с предшествующим культурным феноменом. В обоих случаях речь обычно идёт не о комплексном сравнении более ранней скифской и поздних культур, а о выборочном сопоставлении вырванных из контекста признаков.

Показательно, что априори подразумевается, что исторический феномен «Великой Скифии», если не государства, то, по всей видимости, политического субъекта, прямо связан с конкретными типами археологических памятников, и обрыв этой традиции, проявившийся в резком изменении пространственного распределения и качественного содержания археологических памятников, интерпретиру-

ется как «гибель» субъекта. При этом главным аргументом против первой версии решения «проблемы III в. до н.э.» («вторжение сарматов») выступает отсутствие памятников, сходных с теми, что расположены в районе «родины сарматов», Нижнем Поволжье и Подонье. В этом проявляется присущая многим археологам тенденция ставить знак равенства между народом/этносом и конкретными типами археологических памятников, в той же степени, как для работающих с письменными источниками историков характерна ассоциация определённых археологических памятников с народами, упомянутыми на месте их распространения. В этой связи нельзя не привести пример критики авторами публикации (Тельнов и др. 2016: 23) идеи Т. Сулимирского, предложившего интерпретацию памятников Нижнего Поднепровья как принадлежащих сарматскому племени языгов (Sulimirski 1970: 140). Т. Сулимирский поступил так вполне традиционно, поместив языгов там, где размещали их античные авторы. Неприятие же его точки зрения связано с тем, что расположенные здесь археологические комплексы не ассоциируются со сформированным у археологов представлением о том, как должна выглядеть культура сарматов. Это не значит, что Сулимирский прав, а авторы книги ошибаются. Это указывает на принципиальную возможность несовпадения реальностей, реконструируемых историками и археологами. Использование стереотипов, сформированных под влиянием работ историков и исторических парадигм, чрезвычайно мешает при анализе археологических источников и часто превращается в имитацию анализа.

При использовании археологического материала в качестве независимого исторического источника необходимо учитывать его природу, а именно то, что историческая информация не содержится в нем самом, а выводится в результате наблюдений над его общими и особенными признаками, их хронологическими изменениями, и сравнения с информацией других источников (письменных, этнографических, нумизматических и пр.). В связи со спецификой источника, из его анализа сложно получить данные о конкретных событиях прошлого, но всегда можно сделать выводы о происходивших культурно-исторических процессах. Для их изучения на археологическом материале необходимо: 1) зафиксировать изменения на археологических памятниках во времени и пространстве; 2) оценить масштаб этих изменений; 3) сделать заключение о возможных причинах этих изменений. После этого можно сравнивать результа-

ты анализа с материалом других источников. Маркерами культурно-исторических процессов на археологическом материале являются: 1) появление и исчезновение тех или иных видов археологических памятников (поселения, могильники, святилища, клады); 2) качественные изменения в структуре и отдельных элементах археологических памятников (например, слои разрушений и пожаров, смена типов застройки на поселениях, появление новых участков и новых вариантов погребального обряда на некрополях, появление или исчезновение определённых типов артефактов и т.п.). Масштаб культурно-исторических процессов (от локального до глобального) оценивается при синхронизации зафиксированных изменений в археологическом материале на исследуемой территории и за её пределами.

Формулирование гипотез о возможных причинах изменений, отмеченных на археологическом материале, — наиболее сложная задача, поскольку они могли возникать в результате одновременного действия различных эндогенных и экзогенных факторов. Кроме того, возможности познания прошлого ограничены неполнотой источников. Поэтому предмет познания необходимо ограничить культурно-историческими процессами, происходившими под влиянием таких факторов, для которых существующая на сегодняшний день выборка источников является репрезентативной. Представляется, что на базе археологических источников целесообразно изучать культурно-исторические процессы, обусловленные событиями политического характера.

Для выявления направления внутри- и внешнеполитических связей наиболее рационально использовать сравнительный анализ признаков материальной культуры, основанный на применении мир-системного подхода, который, в частности, состоит в изучении сетей взаимодействия, т.е. систем каналов связей, функционирующих через посредство отдельных индивидуумов и их групп (Мордвинцева 2017). Предметом взаимодействия могут быть вещи и идеи (мысленные прообразы каких-либо действий, предметов, явлений или принципов). Механизмы функционирования сетевого распространения вещей и идей имеют некоторые различия. Так, для восприятия идеи необходимым условием является определённый уровень взаимопонимания между её поставщиком и реципиентом. Идея не может быть принята, если она не разделяется, хотя бы частично, принимающей стороной. В случае с вещами это необязательно. Возможна ситуация, когда назначение и смысл предмета могут быть полностью

перекодированы реципиентом (Мордвинцева 2017: 201).

По предмету взаимодействия выделяются три основных вида сетей, связанные с 1) повседневной жизнью, 2) военным делом, 3) властной/символической сферой (к которой относятся и средства пропаганды). Они базируются на коммуникации соответствующих социальных групп. По масштабу взаимодействия различаются сети, в определённый промежуток времени функционирующие в рамках различных географических диапазонов, от локального до глобального. По длительности взаимодействия различаются кратковременные, долговременные и постоянные сети. Констатация начала и прекращения функционирования конкретной сети является знаком появления и разрыва связей или изменения их контента и/или паттерна. Все перечисленные свойства сетей взаимодействия древних обществ отражены в археологическом материале и могут быть зафиксированы с помощью картографирования маркирующих их артефактов. Хотя идеи не материальны, но некоторые из них, особенно относящиеся к идеологической сфере, выражены в материальной культуре: на изображениях, в элементах погребального обряда, организации пространства (поселений, святилищ и некрополей), конструкции зданий и т.п. Поэтому идеи, зафиксированные в форме определённых категорий изобразительного материала (от отдельных мотивов до стилей) и других форм реализации идей тоже можно картографировать,

и таким образом определить сеть их распространения. Сопоставление карт распространения вещей/идей в различные хронологические периоды позволит сделать предположение о начале, длительности и прекращении функционирования этих сетей.

Это представление о содержании, масштабах, длительности и механизмах функционирования сетей взаимодействия можно применить для выявления и характеристики культурно-исторических и политических процессов в Северном Причерноморье, в том числе для выяснения причин «кризиса III в. до н.э.». В связи с этим нельзя не упомянуть о том, что III в. до н.э. — это время глобальных трансформаций в масштабе ойкумены, и локальная северочерноморская «проблема III в. до н.э.», очевидно, является частью этих перемен. Завоевания Александра Великого привели не только к изменениям политической карты мира, но и к разрыву, появлению и переориентации сетевых связей различного масштаба. Чтобы выяснить, какие процессы эта глобальная перестройка связей вызвала в Северном Причерноморье, необходимо проанализировать материалы, датирующиеся этим временем, происходящие со всей территории, занимаемой в предыдущий период скифской археологической культурой, исходя из предложенного методического подхода. Материалы могильника у с. Глиное и всего Нижнего Поднестровья вполне подготовлены авторами работы для такого анализа и являются одним из краеугольных камней того здания, которое ещё предстоит построить.

Литература

- Брумяк И. В. 1991. Степи Северо-Западного Причерноморья в III—I вв. до н.э. (историко-археологическая иллюстрация). В: Яровой Е. В. (отв. ред.). *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. — V в. н.э.)*. Мат-лы междунар. науч. конф. Киев: Киевская книжная типография научной книги, 200—201.
- Брумяк И. В. 1999. От диорамы к панораме (О перспективах на пути решения проблемы северопонтийского кризиса III в. до Р.Х.). *Stratum plus* (3), 325—332.
- Брумяк И. В. 2009. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. *Stratum plus* (3), 329—370.
- Зуев В. Ю. 1999. О путях решения «проблемы III в. до н.э.» в периодизации археологических памятников сарматской эпохи. *Stratum plus* (3), 305—324.
- Клепиков В. М. 2002. *Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н.э.* Волгоград: Волгоградский государственный университет.
- Мордвинцева В. И. 2015а. Сарматы, Сарматия и Северное Причерноморье. *ВДИ* (1), 109—135.
- Мордвинцева В. И. 2015b. Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка. *Stratum plus* (4), 115—142.
- Мордвинцева В. И. 2017. Мир-системный анализ в археологии на примере звериного стиля Северного Причерноморья сарматского времени. В: Крадин Н. Н., Ситдинов А. Г. (отв. ред.). *Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй*. Материалы III Международного конгресса археологии евразийских степей. Владивосток: Дальнаука, 199—203.
- Синика В. С. 2004. Конь в погребальном обряде на могильнике позднескифского времени у с. Глиное. В: Толочко П. П. (голов. ред.), Зубар В. М., Тоцев Г. М. (відпов. ред.). *Проблеми скифо-сарматської археології Північного Причорномор'я (до 105-річчя з дня народження Б. М. Гракова)*. Матеріали конференції XI. Запоріжжя: ЗДУ, 237—239.
- Смирнов Ю. А. 1997. *Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь*. Москва: Восточная литература РАН.
- Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное*. Тирасполь: Stratum Plus.

№3. 2018

Четвериков И. А. 2002. Варварское население левобережья Нижнего Днепра во второй половине III в. до н.э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы). В: Кетрару Н.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от неолита к античности*. Тирасполь: Типар, 234—245.

Яровой Е.В., Четвериков И.А. 2000. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника

у с. Глиное). В: Яровой Е.В. (отв. ред.). *Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Материалы полевого семинара*. Тирасполь: ПГУ, 3—28.

Mordvintseva V. 2013. The Sarmatians: The Creation of Archaeological Evidence. *Oxford Journal of Archaeology* 32 (2), 208—219.

Sulimirski T. 1970. *The Sarmatians*. London: Thames and Hudson.

References

Bruyako, I. V. 1991. In Yarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia* (V tys. do n. e. — V v. n. e.) (*The Most Ancient Communities of Farmers and Stock-breeders of the Northern Pontic Region (V Millennium BC — 5th Century AD)*). Kiev: "Kievskaiia knizhnaia tipografiia nauchnoi knigi" Publ., 200—201 (in Russian).

Bruyako, I. V. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 325—332 (in Russian).

Bruyako, I. V. 2009. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 329—370 (in Russian).

Zuev, V. Yu. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3), 305—324 (in Russian).

Klepikov, V. M. 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ia v IV—III vv. do n. e. (Sarmatians of Lower Volga Region in 4th—3rd Centuries BC)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Mordvintseva, V. I. 2015. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (1), 109—135 (in Russian).

Mordvintseva, V. I. 2015. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 115—142 (in Russian).

Mordvintseva, V. I. 2017. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Mezhdz Vostokom i Zapadom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii (Between East and West: Movement of Cultures, Technologies and Empires)*. Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 199—203 (in Russian).

Sinika, V. S. 2004. In Tolochko, P. P. (ed.-in-chief), Zubar, V. M., Toshchev, G. M. (eds.). *Problemi skifo-sarmats'koï arheologii Pivnichnogo Prichernomor'ia (do 105-richchia z dnia*

narodzhennia B. M. Grakova) (*Issues of Scythian and Sarmatian Archaeology of the Northern Black Sea Region: toward the 105th Anniversary of B. M. Grakov*) XI. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya State University, 237—239 (in Russian).

Smirnov, Yu. A. 1997. *Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar' (Labyrinth: Morphology of Intentional Burial. Study, Texts, Dictionary)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. Russian Academy of Sciences (in Russian).

Telnov, N. P., Chetverikov, I. A., Sinika, V. S. 2016. *Skifskii mogil'nik III—II vv. do n. e. u sela Glinoe (Scythian Cemetery of 3rd—2nd Centuries BC near Glinoe Village)*. Tiraspol: Stratum Plus (in Russian).

Chetverikov, I. A. 2002. In Chetvaru, N. A. (ed.). *Severnoe Prichernomor'e: ot neolita k antichnosti (Northern Black Sea Region: from Neolithic to Antiquity)*. Tiraspol: "Tipar" Publ., 234—245 (in Russian).

Yarovoi, E. V., Chetverikov, I. A. 2000. In Yarovoi, E. V. (ed.). *Chobruchskii arheologicheskii kompleks i drevnie kul'tury Podnistrov'ia: materialy polevogo seminaru (Ciobruci Archaeological Complex and the Ancient Cultures of the Dniester Region: Materials of the Field Seminar)*. Tiraspol: T. G. Shevchenko Pridniestrovian State University, 3—28 (in Russian).

Mordvintseva, V. 2013. The Sarmatians: The Creation of Archaeological Evidence. *Oxford Journal of Archaeology* 32 (2), 208—219.

Sulimirski, T. 1970. *The Sarmatians*. London: Thames and Hudson.

Статья поступила в номер 29 апреля 2018 г.

Valentina Mordvintseva (Kiev, Ukraine). Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine ¹.

Valentina Mordvintseva (Kiev, Ukraina). Candidat în științe istorice. Institutul de arheologie, Academia Națională de Științe a Ucrainei.

Мордвинцева Валентина Ивановна (Киев, Украина). Кандидат исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: v_mordvintseva@ukr.net

Address: ¹ Geroev Staligrada Ave., 12, Kiev, 04210, Ukraine

Список сокращений

АА	— Археологический альманах. Донецк.
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АДПУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск / Екатеринбург.
АЕС	— Археология евразийских степей. Казань.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов.
АН МССР	— Академия наук Молдавской ССР. Кишинев.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук Союза Советских Социалистических Республик. Москва.
АН УРСР	— Академія наук Української РСР. Київ.
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР. Киев.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АПО	— Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург.
АПП	— Археологические памятники Приднестровья. Тирасполь.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
АЭМК	— Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола.
БашГИ	— Башкирский геологический институт. Уфа.
БашГУ	— Башкирский государственный университет. Уфа.
БИ	— Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
БФАН	— Башкирский филиал Академии наук. Уфа.
БААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАП	— Вопросы археологии Поволжья. Самара.
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск / Екатеринбург; Ижевск; Сургут.
ВГПУ	— Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ВЧГУ	— Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск.
ВЮУГУ	— Вестник Южноуральского государственного университета. Челябинск.
ГАГУ	— Горно-Алтайский государственный университет. Горно-Алтайск.
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры. Ленинград.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДА	— Донская археология. Ростов-на-Дону.
ДонГУ	— Донецкий государственный университет. Донецк.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ДСПК, ДСПиК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕНУ	— Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. Астана.
ЗГУ	— Запорожский государственный университет. Запорожье.
ЗДУ	— Запорізький державний університет. Запоріжжя.
ЗОКМ	— Запорожский областной краеведческий музей. Запорожье.
ИА АН РТ	— Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК	— Императорская Археологическая комиссия. Санкт-Петербург.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИБ НАНУ	— Институт востоковедения Национальной Академии наук Украины. Симферополь.
ИБ РАН	— Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва.
ИВИ РАН	— Институт всеобщей истории Российской Академии наук. Москва.

ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград.
ИИ АН РТ	— Институт истории им.Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИА УрО РАН	— Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук. Екатеринбург.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ИИЯЛ УНЦ РАН	— Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук. Уфа.
ИрГТУ	— Иркутский государственный технический университет. Иркутск.
ИЯЛИ КНЦ РАН	— Институт языка, литературы и истории им.Г.Ибрагимова, Казанский научный центр Российской Академии наук. Казань.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
КГУКИ	— Краснодарский государственный университет культуры и искусств. Краснодар.
КемГУ	— Кемеровский государственный университет. Кемерово.
КИАМЗ	— Краснодарский историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Краснодар.
КНЦ УрО РАН	— Коми научный центр Уральского отделения Российской Академии наук. Сыктывкар.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КФ ИА НАНУ	— Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины. Симферополь.
КФУ	— Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь.
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Черкесск.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛИСКА	— Лаборатория исторической, социальной и культурной антропологии. Саратов.
МАНВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России. Москва.
МАКК	— Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь.
МарНИИЯЛИЭ	— Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии. Йошкар-Ола.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград.
МИАР	— Материалы и исследования по археологии России. Москва.
МИАЮР	— Материалы и исследования по археологии Юга России. Ростов на-Дону.
МИДК	— Музей истории донского казачества. Новочеркасск.
МИКВАЭ	— Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НВБелГУ	— Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород.
НВГУ	— Нижневолжский государственный университет. Нижневолжск.
НГПУ	— Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск.
НЗХТ	— Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь.
НИИ ЭЯЛИ	— Научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории. Майкоп.
НИЦИА	— Научный исследовательский центр истории и археологии.
НТЦ	— научно-технический центр.
ОАК	— Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОАМ	— Одесский археологический музей. Одесса.
ОГИКМ	— Омский государственный историко-краеведческий музей. Омск.
ОГПИ	— Оренбургский государственный педагогический институт. Оренбург.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОмГУ	— Омский государственный университет. Омск.
ОНУ	— Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова. Одесса.
ПА	— Поволжская археология. Казань.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
ПГУ	— Пермский государственный университет. Пермь.
ПГУ	— Приднестровский государственный университет. Тирасполь.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАЕН	— Российская Академия естественных наук. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РГПУ	— Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург.
РНБ	— Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.
РОКМ	— Ростовский областной музей краеведения. Ростов-на-Дону.
РФСОН	— Русский фонд содействия образованию и науке. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.

№3. 2018

САИПИ	— Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово.
СамГУ	— Самарский государственный университет. Самара.
СГУ	— Саратовский государственный университет. Саратов.
СКФУ	— Северо-Кавказский федеральный университет. Ставрополь.
СМИУ	— Самарский муниципальный институт управления. Самара.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской Академии наук. Самара.
СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук. Новосибирск.
СОИГИ	— Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований. Владикавказ.
СОИГСИ	— Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований. Владикавказ.
СОИКМ	— Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
ССПіК	— Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
ТюмГУ	— Тюменский государственный университет. Тюмень.
УАВ	— Уфимский археологический вестник. Уфа.
УдГУ	— Удмуртский государственный университет. Ижевск.
УИВ	— Уральский исторический вестник. Екатеринбург.
УИИЯЛ УрО РАН	— Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук. Ижевск.
УрГУ	— Уральский государственный университет. Свердловск / Екатеринбург.
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
ХНУ	— Харьковский национальный университет. Харьков.
ХСб	— Херсонесский сборник. Севастополь.
ЧелГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской Академии наук. Ростов-на-Дону.
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет. Челябинск.
АМА	— Античный мир и археология. Саратов.
AJA	— American Journal of Archaeology. New York; Boston.
AJN	— American Journal of Numismatics. New York.
AoF	— Altorientalische Forschungen. Berlin.
ASCSA	— American School of Classical Studies at Athens.
BMC	— British Museum Coins. London.
BSA	— The Annual of the British School at Athens.
IOSPE	— Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli.
JDI	— Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. Berlin.
MMJ	— Metropolitan Museum Journal. New York.
OAM	— Odessa Archaeological Museum. Odessa.
OJA	— Oxford Journal of Archaeology. Oxford.
PAS	— Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Berlin.
PBF	— Prähistorische Bronzefunde. München; Stuttgart.
PZ	— Prähistorische Zeitschrift. Berlin.
RA	— Revista arheologică. Chişinău.
SMEA	— Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. Roma.
SoSchrÖAI	— Sonderschriften des Österreichischen Archäologischen Institutes. Wien.
UPA	— Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bonn.